

УДК 332.1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАКРОРЕГИОНОВ РОССИИ В СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В.И. Суслов

Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
E-mail: suslov@ieie.ru

В статье приводятся результаты анализа межрегиональных экономических отношений, проведенного с использованием прикладной многорегиональной межотраслевой модели, математических концепций экономического равновесия и теории кооперативных игр, а также методики коалиционного анализа, в соответствии с которой проводятся расчеты по всем возможным коалициям регионов. Из анализа следует, что федеральные округа современной России делятся на доноров и реципиентов ровно пополам. Доноры «первого уровня» – Северо-Западный и Дальневосточный округа, «второго уровня» – Сибирский и Уральский. Центральный федеральный округ, образно говоря, откровенно «паразитирует» на «теле России». Его потребление из общероссийского фонда превышает его же вклад более чем на треть. Помимо этого автором предлагается классификация и характеристика возможных стратегий пространственного социально-экономического развития страны. Одна из позиций этой классификации базируется на теориях экономического равновесия и кооперативных игр.

Ключевые слова: экономический рост, эффекты межрегиональных взаимодействий, сальдо взаимодействий, равновесие, коалиция, ядро экономической системы, стратегия социально-экономического развития.

INTERACTION OF MEGA-REGIONS OF RUSSIA WITHIN ECONOMIC GROWTH STRATEGY

V.I. Suslov

Institute of Economics and Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the RAS
E-mail: suslov@ieie.ru

The report provides the results of the inter-regional economic relations analysis conducted with the application of Multiregional input-output model, the mathematical concepts of economic equilibrium and the theory of games, as well as methods of coalition analysis in accordance with which calculations for all possible coalitions of regions are carried out. The analysis shows that Federal districts in modern Russia are divided into donors and recipients exactly in half. «First level» donors are the North-Western and the far East Federal districts, «second level» donors are Siberian and Ural Federal districts. The Central Federal district, figuratively speaking, is a «parasite» on the «body of Russia». Its consumption of Russian Fund exceeds its input by more than a third. In addition, the author offers a classification and description of possible strategies for spatial socio-economic development of the country. One of the parts of this classification is based on the theories of economic equilibrium and game theory.

Keywords: economic growth, the effects of interregional interactions, the balance of interactions, equilibrium, coalition, economic system core, strategy of socio-economic development.

Экономический рост в истории человечества практически никогда не был целью, приоритетом или осознанным смыслом существования на планете. На протяжении тысяч, десятков и сотен тысяч лет человек, эволюционируя, осваивал пространство и новые сферы деятельности с приростом своего «участия» в биосфере в годовом выражении на десятые или даже сотые процента. А иногда и со снижением на десятки процентов. Ситуация стала меняться примерно 10 тыс лет назад, когда началась так называемая неолитическая революция и появились первые «прото»-государства. Человек из охотника и собирателя стал земледельцем. Он начал превращаться из «части» природы в ее преобразователя, покорителя. Но и это «превращение» происходило очень постепенно. На протяжении теперь уже сотен лет экономическая «мощь» страны определялась ее размером и населением. В первых рядах были Китай и Индия, Россия – в третьем ряду, но не на «галерке». Наконец, всего 2–3 века назад произошла еще одна революция. Промышленная.

Теперь экономическое развитие стали определять наука и технологии. Причем сначала в основном – технологии, реализующие накопленный веками опыт практической деятельности, а уже потом – наука, роль которой возрастала и к нашему времени превратилась в главную действующую силу.

Существуют различные объяснения, почему это произошло именно в то время (конец XVIII – начало XIX в.). Но главное, что случилось, – вдруг вышли на первые роли ученые и предприниматели, которым было «тесно» в обычных рамках. А они появились в результате буржуазных революций, реализовавших лозунг и принцип «свобода и достоинство». В лидеры вырвались Англия и Голландия, потом остальная Европа, Северная Америка, «подтянулась» и Россия с отставанием примерно на век. Китай и Индия, арабский мир с их традиционными верованиями остались далеко позади. В результате институциональных преобразований в последнюю четверть века Россия также оказалась в списке аутсайдеров без пока явных (в отличие от Индии и Китая) признаков будущего прогресса.

А нужен ли рост? Ресурсы для жизни на планете имеют вполне определенные и достаточно ограниченные пределы. Никакая из частей этой «жизни» не может расти бесконечно. В конечном счете необходимо найти какое-то новое равновесие, которое для человечества имело место до неолитической революции. И в этом равновесии рост (но не развитие) должен быть равным нулю. Это – так, но в глобальном масштабе. Локально рост должен иметь место для преодоления значительных различий в качестве жизни в разных странах и регионах мира (табл. 1).

Что было. На протяжении почти всего последнего полутысячелетия Россия по масштабам своей экономики была четвертой в мире: в Средние века – после Китая, Индии и Франции (отставание от лидеров, Китая и Индии, составляло 5–6 раз); в начале XX в., накануне Первой мировой войны – после США (отставание в 2 с небольшим раза), Китая и Германии. Расцвет СССР на рубеже 60–70-х гг. XX столетия (см. табл. 1 – 1973 г.) вывел Россию на 3-е место в мире (после США и Японии), но привел к увеличению отставания от лидера (США) почти до 4 раз. Затем в результате брежневского застоя и горбачевско-ельцинского развала Россия «вы-

Таблица 1

Россия в процентах к некоторым странам мира (по ППС) [1–3]*

Страна	ВВП в целом					ВВП на душу населения				
	1700 г.	1820 г.	1913 г.	1973 г.	2015 г.	1700 г.	1820 г.	1913 г.	1973 г.	2015 г.
США	–	301,0	44,9	27,0	20,0	–	54,8	28,1	43,1	43,9
Китай	19,6	16,5	96,3	128,8	18,3	101,8	114,8	269,6	858,3	172,5
Индия	17,7	33,8	113,8	192,7	44,9	90,0	129,3	221,1	844,2	401,6
Япония	105,2	182,1	324,1	76,7	75,5	107,2	103,0	107,3	63,0	65,7
Франция	76,4	98,2	160,8	139,3	135,1	62,0	56,0	42,6	54,9	61,7
Великобритания	151,4	104,1	103,5	141,1	133,1	48,9	40,9	30,2	59,9	59,3
Германия	120,9	143,3	97,9	100,9	93,0	68,3	65,1	40,8	60,1	51,8
Италия	111,0	167,6	243,4	163,6	164,2	55,6	61,7	68,0	67,6	68,2

* 1700, 1820, 1913 гг. [1, 2]; 1973 г. получен пересчетом данных по СССР, приведенных в [3–11], в российские данные (доля России в СССР принята 0,63 – по ВВП, 0,53 – по населению); 2015 г. – данные Всемирного банка [12].

падала» по масштабам своей экономики из десятки ведущих стран мира. Но после ускоренного роста в первой половине 2000-х гг. нового столетия временно вырвалась на 5-е место. Сейчас Россия занимает шестую позицию в мире с отставанием от стран-лидеров в те же самые 5–6 раз, что и пять веков назад.

Что касается эффективности экономики, измеренной душевым ВВП, Россия никогда не относилась к передовым, промышленно развитым странам. Тем не менее в Средние века отставание от западноевропейских стран-лидеров составляло всего 1,5–2 раза. В годы промышленной революции (см. табл. 1 – 1820 г.) разрыв вырос до 2–2,5 раз (к лидерам добавились США), к Первой мировой войне он еще подрос до 2,5–3 раза, (Россия запоздала с развитием капитализма почти на век). В годы советской власти к расцвету СССР наметилось некоторое сокращение отставания до 2–2,5 раз (к этому времени в число лидеров вошла еще и Япония). В последующие годы случались провалы и подъемы. И к настоящему времени Россия отстает от развитого мира по эффективности экономики в те же 2–2,5 раза, т.е. так же, как и два столетия назад.

И если делать вывод из этой объективной статистики, опять же языком цифр, Великой Октябрьской социалистической революции можно смело выставлять двойку за масштабы и тройку с натяжкой за эффективность экономики.

Что есть. Россия относится к странам, качество жизни населения которых должно быть существенно повышено в 2–3 раза (если «мерить» в душевом производстве ВВП). На это потребуется 20–30 лет с годовым темпом прироста не менее 6–7 % по сравнению с 2–3 % в среднем по миру.

Что будет. А что нам предлагают различные концепции и эскизы стратегий экономического развития, появившиеся в нашей стране во множестве в последнее время? Диапазон достаточно широк. Причем чем дальше от власти авторы «концепций и эскизов», тем выше предлагаемые темпы роста и радикальнее меры по их достижению.

«На нуле» находится позиция экономического блока правительства. Они придумали термин «новая реальность», которая заключается в том, что в ближайшие 2–3 десятилетия для России вполне нормальны темпы прироста 1–2 % (сейчас цифры чуть увеличили) в среднегодовом выражении. Их лозунг: «Стабильность, таргетирование инфляции» и «улучшение инвестиционного климата». Их не смущает тот факт, что очень стабильна и без всякой инфляции ситуация на кладбище, а их действия по улучшению инвестиционного климата его почему-то только ухудшают. По поводу инвестиционного климата могу напомнить, что экономический рост стал реальностью в планетарном масштабе под лозунгом «свобода и достоинство». А «они» только «закручивают гайки». Достаточно вспомнить «их» действия по «реформированию» науки и образования, одного из последних конкурентных преимуществ нашей страны. Официальная позиция имеет лишь одну цель: оправдание бездеятельности. «Стелют соломку».

На другом конце диапазона предложений находится концепция, высказанная К.А. Бабкиным, сопредседателем Московского экономического форума (МЭФ). Первоначально она была обозначена как «15×15»: 15 лет с годовым приростом ВВП 15 %. В процессе прошедшего пятого МЭФ эта позиция была смягчена: с годовым темпом прироста более 10 % должны развиваться некоторые отрасли российской экономики, прежде всего, инвестиционного комплекса (машиностроение и др.). Но каков первоначальный замах! Если бы такое произошло, масштаб российской экономики уже через 10 лет превысил бы США вместе с Китаем.

«По середине» интервала предложений есть несколько концепций, среди которых можно отметить две. Первая – Центра стратегического развития, возглавляемого А.П. Кудриным. Официально она пока не озвучена (в апреле этого года), но, по-видимому, максимально в ней предусматриваются темпы 2,5–3,5 %. Вторая – Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН, где предвидятся темпы до 4 %. Это – наиболее серьезная концепция, поскольку в ИНП не «языком болтают», а считают по большим прикладным математическим моделям российской экономики. Можно также вспомнить позиции «Столыпинского клуба», ВЦИОМа и т.д. Но они попадают в тот же интервал.

Мы (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН) тоже умеем считать по большим математическим моделям российской экономики, которые, в отличие от ИНП РАН, учитывают пространственный аспект страны. В своих расчетах мы исходим из того (в моей интерпретации), что в ближайшие годы темпы, как уже говорилось, должны достичь 6–7 % годового прироста.

Что делать. Для того чтобы это стало возможным, необходимы институциональные преобразования. Прежде всего, реализующие принцип «свободы и достоинства», означающий, в частности прекращение «гонений» на науку и образование. Во-вторых, существенно меняющие налоговую политику – в направлении радикального усиления ее стимулирующей направленности.

Речь идет о налогах на добавленную стоимость и на прибыль. Первый из них вообще деструктивный, поскольку является по существу налогом на научно-технологический прогресс. Он угнетает виды деятельности, даю-

щие высокую долю добавленной стоимости, т.е. высокотехнологичные и наукоемкие, усиливая тем самым ресурсную направленность экономики.

А второй – это налог на экономический рост. Прибыль – категория экономического роста. Если деятельность дает прибыль, то она должна расширяться за счет ее инвестирования. Поэтому налог на прибыль, не используемую на инвестиции, должен быть многократно увеличен. А инвестиции как таковые должны быть освобождены от налога, более того, ставка налога на них должна быть отрицательной, особенно, если реализуются инвестиционные проекты, ориентированные на использование отечественного оборудования и отечественных технологических достижений. Кроме того, целесообразно, вероятно, вернуться к прогрессивной шкале налога на доходы физических лиц. Имеющиеся у нас различия этих доходов в сотни и тысячи раз неизбежно ставят вопрос о легитимности существования такой страны. В современном информационном обществе имеются технологии, позволяющие успешно администрировать взимание прогрессивного НДФЛ. Пусть за рост платят богатые.

К новому пространству. В-третьих, (продолжая тезис «необходимы институциональные преобразования») коренным образом меняющие сами принципы организации экономического пространства.

Небольшой исторический экскурс. Важный аспект процесса реиндустриализации – освоение территории. Технологический барьер рубежа XIX и XX вв. (освоение невозобновляемых источников энергии, двигатель внутреннего сгорания, электричество, транспортная и энергетическая инфраструктура) сумели преодолеть две страны: США и Германия. Но США имели территорию для экспансии, порождающей спрос на высокие технологии, а Германия – нет. В результате США стали мировым доминантом на целый век, а Германия инициировала две проигранные ею мировые войны.

Россия же, имея в конце XIX в. и высокий потенциал технологического прорыва, и огромную территорию для его реализации, погрязла в социальных преобразованиях (сталинская индустриализация сыграла свою позитивную роль, но методы ее достижения были совершенно неприемлемыми). Сибирь и Арктика до сих пор остаются для России стимулом и полем для реиндустриализации. Впрочем, многие территории Нечерноземья, северо-запада и юга европейской части страны также остро нуждаются в реальном освоении.

Российское экономическое пространство крайне неоднородно, фрагментировано, моноцентрично. Наши расчеты показывают, что если российские регионы избавить от «бремени взаимодействия» с Центральным федеральным округом (что вполне возможно в модельном компьютерном эксперименте), то их целевые показатели (всех без исключения) вырастут. Совершенно необходимо полностью перестроить механизмы, «стягивающие» в настоящее время финансовые ресурсы в Москву, перейти к политике реального федерализма с радикальным увеличением прав (в том числе финансовых) региональных и, особенно, муниципальных властей, «приземлить» деструктивную в целом деятельность российских транстерриториальных и мировых транснациональных корпораций. Весьма эффективен (лично моя точка зрения) был бы перенос многих столичных функций в центр России, в какой-нибудь новый город в треугольнике «Новосибирск–

Красноярск–Иркутск» (например). Крайне желательно было бы создание транспортно-логистических выходов центральных и восточных регионов страны к портам Черного, Азовского, Каспийского, Балтийского, Баренцева морей в обход Московского региона. Список предложений такого рода легко продолжить.

Далее анализируются результаты расчетов по «большой» прикладной модели России, включающей 8 федеральных округов (Крым мы пока еще не выделили) и 40 видов экономической деятельности. Расчеты проводились по методике «коалиционного анализа», в процессе которого «обсчитывались» все возможные коалиции макрорегионов страны.

Самым самодостаточным макрорегионом России является Северо-Западный федеральный округ. В состоянии автаркии («разорваны» все внешние связи) он сохраняет 85,4 % исходного уровня своего целевого показателя. Это даже больше, чем аналогичный российский показатель накануне распада СССР (64,6 %). По этому критерию неплохо выглядит Сибирский федеральный округ (54,2 %), гораздо хуже – Уральский округ (22,5 %). В остальных федеральных округах разрыв внешних связей обнуляет их целевой показатель – для такого результата достаточно отсутствия производства хотя бы по одному виду деятельности.

Самым злостным «паразитом» на «теле» России является Центральный федеральный округ. Его «вклады» в целевые показатели всех федеральных округов оказались отрицательными, причем «результатом» его «взаимодействия» с Северо-Западным округом является сокращение целевого показателя последнего почти на одну четверть. А общее сальдо взаимодействия для этого макрорегиона составило более трети общероссийского целевого показателя (табл. 2).

Таблица 2

**Эффекты фактических межрегиональных взаимодействий в России
(2030 г., % к конечному потреблению регионов)**

ФО России	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФФО	Итого (Общий вклад)	Сальдо взаимо- действия
ЦФО	0,0	-24,2	-8,9	-8,5	-9,0	-11,5	-10,7	-0,7	-74	-34,7
СЗФО	9,2	85,4	12,1	21,6	25,3	23,6	12,5	16,9	22,5	13,3
ЮФО	4,3	-8,1	0,0	2,8	4,6	16,0	6,2	8,7	4,2	-2,6
СКФО	-1,0	-4,2	-2,9	0,0	-1,9	-3,6	1,8	0,9	-1,5	-4,7
ПФО	7,0	8,0	7,4	6,6	0,0	-0,4	-0,7	20,4	5,1	-6,5
УФО	16,2	17,9	30,5	16,6	11,3	22,5	11,2	15,3	16,8	10,0
СФО	19,3	9,1	22,9	24,2	13,2	13,4	54,2	16,8	20,9	11,8
ДФФО	22,2	6,3	18,2	16,2	27,2	10,4	9,7	0,0	17,2	13,3
Внутренний эффект (территориальная структура)	77,3 (27,3)	90,1 (9,2)	79,3 (6,8)	79,5 (3,2)	70,7 (11,6)	70,3 (6,8)	84,0 (9,1)	78,3 (3,9)	77,8 (77,8)	
Внешние связи	22,7	9,9	20,7	20,5	29,3	29,7	16,0	21,7	22,2	
Итого (территориальная структура)	100,0 (35,3)	100,0 (10,2)	100,0 (8,5)	100,0 (4,0)	100,0 (16,4)	100,0 (9,6)	100,0 (10,8)	100,0 (5,0)	100,0	

Характеризуя сальдо взаимодействия Украины перед распадом СССР, мы использовали термин «до неприличия» – большое отрицательное, но оно было около -10% . Что говорить в этом случае, мы не знаем. При этом Центральный федеральный округ вместе с Москвой – это реальный российский центр – научно-образовательный, инновационно-технологический, культурный, транспортно-логистический, финансовый и т.д. Сложившаяся ситуация – следствие непропорционально и несправедливо больших доходов, получаемых, прежде всего, в Москве. Финансовые ресурсы искусственно стягиваются в федеральный центр со всей страны.

Отрицательно также сальдо взаимодействия для Приволжского, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов – но в гораздо меньших масштабах.

«Рабочими лошадками» в системе российских макрорегионов выступают Северо-Западный, Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа.

Причем самым большим (относительно) сальдо взаимодействия обладает самый маленький экономически (после Северо-Кавказского) федеральный округ – Дальневосточный: $13,3\%$ общероссийского целевого показателя. Такое же по величине сальдо взаимодействия у гораздо более мощного в экономическом отношении федерального округа – Северо-Западного. Сибирский и Уральский федеральные округа характеризуются тоже значимыми (с плюсом) сальдо взаимодействия, но чуть меньшего размера.

Экономическое пространство современной России заметно более однородно, чем СССР накануне распада. Скорее всего, это было одной из причин, произошедших на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого столетия событий в нашей бывшей стране. Но уровень неоднородности существующего российского пространства все-таки еще слишком высок. Речь даже не идет о запредельном уровне дифференциации региональных экономических, социальных, демографических, экологических показателей – этот аспект в нашем анализе не рассматривался. Хотя этот факт тоже весьма неприятен и чреват негативными последствиями для российской государственности.

В данном случае индикатором высокого уровня неоднородности экономического пространства является слишком большая дифференциация макрорегионов по относительным величинам сальдо взаимодействия (последний столбец таблицы эффектов взаимодействия).

Проведенный анализ показал наличие «недоброкачественной опухоли» в российском организме – центрально-федеральной агломерации.

Вообще говоря, наличие в пространственной системе регионов-доноров и регионов-реципиентов нормально. Такими «штатными» реципиентами в нашем случае выступают Северо-Кавказский, Южный федеральные округа и с некоторыми оговорками Приволжский округ. Но существование в системе регионов, образно говоря, «паука», для которого пространство страны – «охотничье угодье», нормальным считать вряд ли следует.

Следующий вывод заключается в том, что российская экономика – ресурсозависима. Этот вывод отнюдь не нов, сравнительно новые аргументы в его пользу: лидирующие позиции (по величине сальдо взаимодействия) в пространственной структуре экономики занимают ресурсные регионы – Северо-запад, Урал, Сибирь и Дальний Восток.

И еще одно заключение: российская экономика, по-видимому, все в большей степени встраивается в мировую. Как показали проведенные расчеты, самыми результативными в региональной структуре России оказались два макрорегиона, которые обеспечивают выход стране в мировое пространство – Северо-Западный и Дальневосточный федеральные округа.

Литература

1. *Кудров В.М.* Экономика России в Европе и мире: прошлое, настоящее и будущее // *Общественные науки и современность.* 2011. № 5. С. 21–33.
2. *Кудров В.* Производительность труда в промышленности России, США, Германии, Франции и Великобритании // *Вопросы экономики.* 1999. № 8.
3. Между прошлым и будущим: Россия в трансатлантическом контексте: коллект. монография / под ред. В.В. Журкина. М., 2001.
4. Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И.С. Королева. М., 2003. 604 с.
5. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
6. Россия в цифрах. 2010: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2010. 558 с.
7. Россия и страны мира. 2004: Стат. сб. / Росстат. М., 2004. 361 с.
8. Россия и страны мира. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 372 с.
9. *Ясин Е., Снеговая М.* Тектонические сдвиги в мировой экономике. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009. 138 с.
10. *Maddison A.* The World Economy: a Millennial Perspective, OECD. Paris, 2001. 384 p.
11. The Anatomy of Russian Defense Conversion. Walnut Creek, CA: VEGA Press 2001. P. 670.
12. www.worldbank.org/

Bibliography

1. *Kudrov V.M.* Jekonomika Rossii v Evrope i mire: proshloe, nastojashhee i budushhee // *Obshhestvennyye nauki i sovremennost'.* 2011. № 5. P. 21–33.
2. *Kudrov V.* Proizvoditel'nost' truda v promyshlennosti Rossii, SShA, Germanii, Francii i Velikobritanii // *Voprosy jekonomiki.* 1999. № 8.
3. *Mezhdu proshlym i budushhim: Rossija v transatlanticheskom kontekste: kollekt. monografija / pod red. V.V. Zhurkina.* M., 2001.
4. *Mirovaja jekonomika. Global'nye tendencii za 100 let / pod red. I.S. Koroleva.* M., 2003. 604 p.
5. *Pajps R.* Rossija pri starom rezhime. M., 1993.
6. *Rossija v cifrah. 2010: Krat. stat. sb. / Rosstat.* M., 2010. 558 p.
7. *Rossija i strany mira. 2004: Stat. sb. / Rosstat.* M., 2004. 361 p.
8. *Rossija i strany mira. 2010: Stat. sb. / Rosstat.* M., 2010. 372 p.
9. *Jasin E., Snegovaja M.* Tektonicheskie sdvigi v mirovoj jekonomike. M.: Izdatel'skij dom GU-VShJe, 2009. 138 p.
10. *Maddison A.* The World Economy: a Millennial Perspective, OECD. Paris, 2001. 384 p.
11. The Anatomy of Russian Defense Conversion. Walnut Creek, CA: VEGA Press 2001. P. 670.
12. www.worldbank.org/